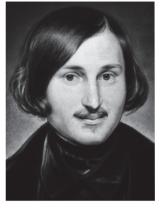
Nota Bene ..

«Не робей, воробей, дерись с орлом!»

(Зі спогадів Олекси Стороженка (1805–1874), відомого українського письменника-романтика, автора знаменитої повісті «Марко проклятий». Спогади стосуються 1927 р., Гоголю — 18 років)

Микола Гоголь

...Для ночлега мне отвели комнату в доме, а Гоголь, приехавший днем прежде, расположился во флигеле. На другой день, часу в восьмом, отец мой приказал запрягать лошадей. Я пошел во флигель, чтоб попрощаться с Гоголем, но мне сказали, что он в саду. Я скоро его нашел: он сидел на дерновой скамье и, как мне издалека показалось, что-то рисовал, по временам подымая голову кверху, и так был углублен в свое занятие, что не заметил моего приближения.

- Здравствуйте! сказал я, ударив его по плечу. Что вы делаете?
- Здравствуйте, с замешательством произнес Гоголь, поспешно спрятав карандаш и бумагу в карман. Я... писал.
- Полноте отговариваться! я видел издалека, что вы рисовали. Сделайте одолжение, покажите; я ведь тоже рисую.
  - Уверяю вас, я не рисовал, а писал.
  - Что вы писали?
  - Вздор, пустяки, так, от нечего делать, писал стишки.

Гоголь потупился и покраснел.

- Стишки! прочтите: послушаю.
- Еще не кончил, только начал.
- Нужды нет, прочтите, что написали.

Настойчивость моя пересилила застенчивость Гоголя; он нехотя вынул из кармана небольшую тетрадку, привел ее в порядок и начал читать.

Олекса Стороженко

Я сел возле него, с намерением слушать, но оглянулся и увидел почти над головой огромные сливы, прозрачные, как янтарь, висевшие на верхушке дерева. Я забыл о стихах: все мое внимание поглотили сливы. Пока я придумывал средство, как до них добраться, Гоголь окончил чтение и вопросительно смотрел на меня.

Экие сливы! – воскликнул я, указывая на дерево пальцем.

Самолюбие Гоголя оскорбилось; на лице его выразилось негодование.

— Зачем же вы заставляли меня читать? — сказал он, нахмурясь, — лучше бы попросили слив, так я вам натрусил бы их полную шапку.

Я спохватился и только хотел извиниться, как Гоголь так сильно встряхнул дерево, что сливы градом посыпались на меня. Я кинулся подбирать их и Гоголь также.

Nota Bene

- Вы совершенно правы, сказал он, съев несколько слив, — они несравненно лучше моих стихов...
  Ух, какие сладкие, сочные!
- Охота вам писать стихи! Что вы, хотите тягаться с Пушкиным? Пишите лучше прозой.
- Пишут не потому, чтоб тягаться с кем бы то ни было, но потому, что душа жаждет поделиться ощущениями. Впрочем, не робей, воробей, дерись с орлом!

Я хотел было отвечать также пословицей: дай бог нашему теляти волка поймати; но Гоголь продолжал:

– Да! не робей, воробей, дерись с орлом.

Взгляд его оживился, грудь от внутреннего волнения высоко поднималась, и я безотчетно повторил слова его, сказанные мне накануне: «Ну это хорошо, это по-нашему! по-казацки».

Олександр Пушкін

Человек прибежал с известием, что отец меня ожидает. Я дружески обнял Гоголя, и мы расстались надолго.

Через несколько лет после этого свидания показались в свет сочинения Гоголя.

С каждым годом талант его более и более совершенствовался, и всякий раз, когда мне случалось читать его творения, я вспоминал одушевленный взгляд Гоголя, и мне слышались последние его слова: «Не робей, воробей, дерись с орлом!»

1827 р. Спогад надрукований в журналі «Отечественные Записки», 1859 р., квітень

3 авторської сповіді Миколи Гоголя

«...Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: "Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!" Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за "Донкишота", никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключенье всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет "Мертвых Душ"».

«Авторская исповедь», 1847